

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Каждая его песня, как неистовая исповедь

...Я подумал только об одном — и это было тогда, полгода назад — я подумал: как жалко, что в свое время на Сенатской площади декабристы потерпели фиаско. Полгода назад здесь же, в Олимпийском, пел Александр Малинин, и основу репертуара составлял цикл так называемых «белогвардейских» песен. Тогда, правда, мешал приблизиться к нему, Малинину, табунчик прыгающих девушек, внезапно врвающихся за его спиной на сцену и напоминающих мне разноцветные бильярдные шарики, раскатившиеся туда-сюда от неумелого, неуклюжего удара. От них рябило...

Малинин имел тогда невероятный успех. Он умел огромный зал сделать единственным собеседником, с которым негромко беседовал, как бы сидя близко, под светом единственной «затихающей» лампы, несмотря на сотни прожекторов, установленных на сцене, несмотря на табунчик юных балетных девочек, несмотря на огромное сценическое пространство. Почему? Почему именно он так точно попал в наши ожидания и восприятие жизни своей российской темой? Я думаю, потому, что мы вместе с ним сумели однажды оглянуться назад и пристально взглянуть во времена, когда, как под гипнозом, одним росчерком — к стенке. К стенке.

«К стенке!»
Мы задумались о тех, кому повезло и кто смог метнуть последний взгляд на отгораемую горизонталь России — они вспоминают и жалеют свою страну до сих пор. Искренне вспоминают и искренне жалеют.

Марк Захаров как-то сказал, что из множества коридоров творчества важно найти тот самый — свой, и двигаться по нему в ожидании открытий. Малинин такой коридор нашел. Как он сам утверждает — интуи т и а н о, «вдруг» влюбившись в поэзию Есенина, в прозу Бунина. Когда ты именно вдруг — отходишь чуть в сторону от всеобщего скакового азарта и, оставившись, начинаешь думать о душе. Когда вокруг постоянно шумят, митингуют и толпятся, лично мне, например, хочется послать все к чертовой матери, выйти на балкон моего дома и остаться как бы наедине с детской площадкой нашего двора, где прошло мое детство. Малинин, на мой взгляд, выигрывает по сравнению с другими эстрадными артистами тематической интимностью репертуара и умением для многотысячного зала стать... очень одиноким человеком. Бледное лицо, гитара, живой оркестр и голос, заставляющий забыть о суете и мелких коммунальных радостях.

Он не очень общителен. Любит свою жену Эмму, детей и собаку. Но это так, к слову.

Недавно в «Олимпийском» отремел «Бал Александра Малинина». Зал был «битковый». Цветы несли на сцену и дети, и старики, и подростки.

Все было, как у Малинина: и одиночество в толпе людей, и разговор «глаза в глаза». И сам Александр в строго белом или черном — таков имидж.

Коридор, который он выбрал в этот раз, был освещен ярким розовым светом. Нет, быть может, я, как и большинство людей, настолько офигел, заморозился сегодня от окружающих нас всех ужасов, что уже не в силах их забыть и не могу ключиться на простые, вечные человеческие чувства. Но так или иначе в нынешней программе Малинина мне хотелось услышать и «жестокость», мне не хватало тех его «пилигримов», которых беспощадно хлестал дождь и ветер. Мне хотелось песен, которые вкалывали бы в меня проблему, способную пережестить даже нашу жуткую, унылую, эмоциональную повседневность. Или же я действительно не прав, и во времена, когда «объясняются в любви» автоматными очередями и танками, самое время вспомнить о том, что лучше, чище и прекраснее простых, от сердца идущих слов, чувств и мыслей ничего не бывает? Может быть, действительно пора устать от лозунгов и посмотреть в ночное глубокое звездное небо, где беспредел и — мудрость?.. Танки можно усовершенствовать до бесконечности, а эти простые слова и чувства, которыми изъяснялся Малинин, не изменялись за сотни лет, не нуждались в научной подпитке. Этот «бал» Малинина я бы назвал исповедальным балом. Он обращался к одиноким и покинутым, растерянным и окаменевшим от тоски. Он как бы учил просто любить, просто страдать и находить в этой простоте возможность жить, дышать и идти вперед. И вновь — наедине, как бы с другом, который сидит напротив и считает, что поют только для него и только про него. Мне неожиданно вспомнились чьи-то стихотворные строки, имеющие отношение к тому, о чем пел Александр Малинин, разве что мои собственным настроением:

...А ты, любимая, как поживаешь ты?
Избавилась ли ты от суеты?
И чьи сейчас глаза твои раскосые,
И плечи твои белые роскошные?..

В общем, хотелось вспомнить прекрасных женщин, с которыми, наверное, у многих из нас были головокружительные, пьянящие романы. Короткие, как вздох, и прекрасные, как полет ласточки.

К слову сказать, Малинин искренний и даже прямолинейный человек. Он не врет. По жизни. И, размышляя над причинами его успеха, я бы отнес это качество к составляющим этот успех. Он поет, погружаясь в себя. А когда человек начинает перед вами раскрываться, вы начинаете такому человеку верить без оглядки. Малинин не боится первым признаться в любви и не боится, что над его признанием рассмеются. Он верит в своего зрителя. Но я могу себе представить, что он пе-

реживает, если его вдруг обманут, а значит, ударят по открытым, незащитным нервам. Вас когда-нибудь предавали женщины, ради которых вы жили? Если — да, то вспомните, что вы испытывали после такого предательства. Вспомните стенку, в которую вы могли смотреть часами до тошноты. И вспомните ночи, когда вы слышали только глухомеханический шум улицы и удары собственного сердца. Малинин — и это я утверждаю не с чьих-то слов — очень ранимый человек. Но не будь он таким — уверен — не был бы таким проникновенным и его «малиновый» голос. Он не умеет рационально просчитывать перспективу. Он не выйдет вечером на сцену, если его любимая собака днем сильно заболит. Он поет, когда ему хочется петь. Он не поет, если ему хочется сесть в самолет и улететь в другой город, — а потому что настроение такое. Он очень эмоционален на сцене, несмотря на внешнюю статичность. Он не бегаёт, и не раскачивается на качелях, и не замахивается на зал микрофонной стойкой, подобно большинству начинающих вертеться около музыки мальчиков и девочек. Но вспомним Цоя — он гипнотизировал зал, не сдвигаясь с места. Малинин силен подобной внутренней энергетикой, которая способна то расслаблять слушателя, то собирать его в один эмоциональный клубок.

Вот здесь я бы посоветовал нашим подрастающим эстрадным «звездам» попристальнее взглянуть в творчество этого певца, постараться понять причины его ослепительного взлета. Да, конечно, огромная часть — от Бога, но есть и те качества, которые называют чисто профессиональными, взять, к примеру, не случайность текстов тех песен, которые он поет, подчеркиваю — не случайность. Словом, на мой взгляд, это очень профессиональный певец, способный «дирижировать» слушателями так же свободно и изящно, как свободно и изящно работает со своим оркестром дирижер, сопровождающий выступления Малинина. И еще — он действительно сильно устает после концертов. Каждый бал — как долгая, неистовая молитва на коленях. Вы пробовали молиться долго и неистово? Попробуйте, тогда, возможно, вы поймете, что испытывает Александр Малинин, «поднимаясь с колен» перед своими слушателями. Попробуйте, и тогда вы, возможно, поймете, почему он любит ходить в церковь, почему любит огромные природные пространства и не любит, когда задают много мелких, сыпучих, дурацких вопросов. И почему он взлетел так резко, ярко и высоко во времена, когда, даже засыпая, слышишь за стеной у соседей телевизионную воркотню депутатов, когда суета и озлобленность становятся «рабочим местом» почти каждого человека.

Послушайте Малинина, и вы научитесь смотреть себе под ноги, вы вспомните, что есть страсти, а не страстишки, есть колокольный звон, который все равно выше самых высоких слов, самых высоких трибун и титулов. Который всегда поднимается к небесам и не зависит от суеты, площадей и памятников. От лидеров и желающих стать лидерами. Который чист, вольнолюбив и ясен, как хороший сон, когда за окном — ливень. И об этом тоже поет Александр Малинин, чуть прикрыв глаза и напоминая: ...Ах, какие белые на синем

Всем нам о России снятся сны...
После концерта мы с ним встретились. «Завтра» он улетал на полтора месяца, поэтому я все-таки задал ему несколько вопросов.

— Чем отличается Малинин «юрмальского» периода от Малинина сегодняшнего дня?

— Он стал гораздо строже относиться к себе. Стал чаще сомневаться, работая над песней. Он стал осторожнее в выборе друзей. Он стал всерьез задумываться о том, что суета мешает жить, творить и любить. И главное — он нашел свое творческое лицо.

— Почему все-таки «бал» Александра Малинина? Не концерт, вечер, а именно — «бал»?

— Мне кажется, в слове «бал» есть какая-то дополнительная волнующая энергетика, само слово создает атмосферу, которую я очень люблю, которая очень близка моему внутреннему миру. И потом, приглашение на бал приятно для любого человека, слушатель не должен чувствовать себя чужим на моих вечерах, это очень важно.

— Встречался ли вам в вашей жизни человек, который однажды вам очень сильно помог?

— Наверное, это были мои родители, благодаря которым я появился на свет.

— Почему вы работаете только с фирмой «ЛИС'С»? Почему именно им отдаете предпочтение?

— Это очень профессиональные, толковые люди, которые умеют быстро, на самом высоком уровне организовать и звук, и свет, и сценическое пространство. Они чувствуют театральность моих выступлений, а для меня эта театральность очень важна.

— Последний вопрос: можно ли сейчас хотя бы чуть-чуть предсказать будущее тематическое направление вашего репертуара?

— Могу сказать только одно: я не собираюсь бегать по сцене, активно добиваться «шлягерности» песни и любыми способами бороться за любовь слушателей. Будущая тематика моих песен — это я сам и моя жизнь, а вот как она сложится, я не знаю...

А. КУЧЕРОВ.